

ТАЙНА МУЗЫ ТВАРДОВСКОГО

ПОЭТ НЕ НАПИСАЛ НИ ЕДИНОЙ СТРОФИ О ЖЕНЩИНЕ, КОТОРОЙ БЫЛ ОБЯЗАН СУДЬБОЙ

В

Ваншенкиных, в разных кругах, отмечалось 110-летие со дня рождения Александра Твардовского. И мне вновь вспомнилось, как несколько лет назад мы снимали фильм о нем. Курение до одури, подъемки, разговоры «наизусть» с его дочерью, с Роем Медведевым, с поэтом Ваншенкиным, с критиком Туркиным, с Карагановой, которая заведовала отделом поэзии в «Советском писателе».

«Один из крупнейших личностей в литературном мире я не встречал», — признался Михалков. Туркинов назвал его «совестью поэзии». А Ваншен-

*1
Александр Твардовский. Смоленск. 1928-1929 годы.

*2
Мария Твардовская (Горелова).

кин, он знал его 20 лет, сказал, что он еще при жизни стал классиком: «Меня словно отбрасывало куда-то в XIX век, в центр русской литературы. Вот в чем дело-то...»

А в чем для меня было дело?

Два вопроса

А я все сопротивлялся. Все насканивал с двумя простыми и глупыми вопросами. Почему, например, у поэта почти нет стихов о любви? Он сорок лет был женат на первой любви, на Машеньке Гореловой, смольяночке с синими глазами, но неужто ни разу не влюблялся, не терял головы?

И второй, совсем уж дурацкий вопрос: отчего он был таким «правильным»? Пушкин был картежником, бретером, Некрасов — прелюбодеем. Это ведь даже не недостатки — это норма для поэтов.

А у него либо вся жизнь — «святцы», либо мы что-то не знаем про него.

Поэт, но не кумир в поэзии. Редактор, но по нынешним временам не такой уж и смелый. Коммунист, но настолько правоверный, что даже начальники-коммунисты не спешили

принимать его в свою уже сильно подгнившую компанию. Но ведь и «либералы» тогдашние не особо жаловали — он был для них лауреатом Сталинских премий, орденоносцем и даже кандидатом в ЦК КПСС. Номенклатура...

Словом, не жил он в моем сценарии. Пока однажды его дочь не процитировала письмо его жены. Я знал предысторию: его друга Адриана Македонова в 37-м арестовали, представьте, за поддержку «кулацких тенденций» у Твардовского. И больше года в газетах, на собраниях от поэта требовали отречься от друга — осудить, окунуть в общую помойку. Упорство отца, сказала мне дочь, могло кончиться только расстрелом. И вдруг добавила:

— Маме он написал: может быть, я чего-то не знаю про Македонова, может, он от меня что-то скрыл. И мама пишет ему гневно: «Это же твой друг ближайший, как ты можешь усомниться!». И отец — устоял...

Вот, собственно, и вся история. Но все встало на места. И такое понятное колебание на краю гибели. И будущее дон-кихотство.

И любовь — такую женщину да не любить?!

Две биографии

Он родился в поле, под елкой. Естественно, не иноказательно! Напишет потом: «И не были эти в обиду мне слухи, / Что я из-под елки. Ну что ж, из-под елки. / Зато, как тогда утверждали старухи, / Таких, из-под елки, не трогают волки...»

В конопляных лаптях, а не лыковых, которые сам и вязал, шкандыбал каждый день по девять километров в школу. В 11 прочел «Братьев Карамазовых», а за «Трех мушкетеров» взялся, вообразите, только в 40 лет, уже трижды лауреатом и четырежды орденоносцем. В 12 хотел стать священником, а уже в 13 стал отчаянным атеистом. Пас скоил, косил, плотничал (всю жизнь гордился, что мог с четырех ударов топором заострить кол). Но в 14 из дома вдруг ушел.

— Отец его ударил, не больно, но так, что унижил, — сказала нам на съемках дочь.

Через пять лет, когда семью раскулачат и вышлют, он, твердышлый, задохнется от жалости к отцу.

С этого начнутся две его биографии: одна в кожаных для народа, другая — в учетной партийной книжке. И даже через 30 (тридцать!) лет при обмене партдокументов он будет писать своему Хрущеву, встречаться с Фурцевой, только чтоб изменить это клеймо — «сын кулака». И — не сможет, не изменит, так и умрет с двумя биографиями.

Не спешила ли «правильность» Твардовского: ему не простали бы и малости?..

В Смоленске он придет в кожанке с воротником из чужой шкурки и в стоптанных валенках. Бедным, но гордым. Когда увидит, что

1
Семья Твардовских (слева направо): Мария Митрофановна, Александр, Иван (на велосипеде), Трифон Гордеевич с дочерью Анной, Константин. 1916 год.

МАРИЯ ЛЮБИЛА ПЕТЬ И, КАЖЕТСЯ, ПЕЛА ЛУЧШЕ, ЧЕМ ОН. И ПИСАЛА СТИХИ, ДА ТАК, ЧТО УГОВАРИВАЛИ НАПЕЧАТАТЬ ПОДБОРКУ В «НОВОМ МИРЕ». НО ОНА ОТМАХНУЛАСЬ: «НЕУДОБНО»

один поэт намазывает на булку масло, удивится: зачем же масло, она и так вкусная! Но с другом, юным писателем, засыпая под одной шубой в «приюте голытьбы», будет играть в игру, которую сам и придумает, — называть по очереди 100 самых знаменитых людей. И нагло добавлять — 100 нам было не нужно, достаточно было 98, ибо два последних были мы сами. Верил себе да Некрасову, чей портрет носил в записной книжке. И конечно, верил в свободу, равенство, братство.

До тех пор, думаю, верил, пока не случилась история с Македоновым.

И пока смоляночка не спасла ему душу.

Два светофора

Она сама нашла это место, «Танцовую рощу» — холм у железнодорожной станции Колония, в четырех километрах от Смоленска. «Танцовая», ибо сосны здесь, словно прилипшая, взбирались к самой вершине. Городская девица, она любила приходить сюда за первыми подснежниками. «Несешь букетик через слободу, — вспоминала, — и то и дело слышишь: «Смотри, уже подснежники!» А еще под шатром из сосен любила до сумерек смотреть, как внизу, на безлюдной станции, перемигивались семафоры. «Непричастность их к нашей жизни была столь определена, словно они посылались на другую планету. Хотелось иной жизни, работы, прочности... Но красный или зеленый глаз был устремлен в пространство, печаль не слабела: красный не разрешал ехать, зеленый разрешал».

Так пишет в воспоминаниях Мария Твардовская, а тогда, в 1930-м, просто Маша, будущий филолог, библиотечкарь в педагогическом, где они и познакомилась, та, которая на 40 лет, до смерти поэта, станет ему женой, читателем, критиком. Любила петь, и, кажется, пела лучше, чем он. И писала стихи, да так, что Караганова уговаривала напечатать подборку в «Новом мире», да она отмахнулась: «Неудобно».

— Как она верила в него, — скажет нам дочь поэта. — Верила, когда называли кулацким подголоском, когда травили, когда уже были арестованы его друзья и был ордер на его арест.

Был. Это правда. Он так и будет жить: либо ордер, либо — орден. Либо красный, либо зеленый семафор.

«Не предавай!»

В 1934 году в газете «Большевистский молодец» идет статья «Кулацкий подголосок». О его стихах. Газету поддержал даже Рыленков, поэт и друг Твардовского: публично обвинил его в «утверждении кулачества в жизни». В Москве поэты Светлов, Асеев превозносят «Страну Муравью» — «это как «Мертвые души» или «Кому на Руси», но в Смоленске коллеги рычат по-волчьи, требуя «вскрыть

— КАК ОНА ВЕРИЛА В НЕГО, — СКАЖЕТ НАМ ДОЧЬ ПОЭТА. — ВЕРИЛА, КОГДА НАЗЫВАЛИ КУЛАЦКИМ ПОДГОЛОСКОМ, ТРАВИЛИ, КОГДА УЖЕ БЫЛИ АРЕСТОВАНЫ ЕГО ДРУЗЬЯ, И БЫЛ ОРДЕР НА ЕГО АРЕСТ

кулацкое ядро этого произведения». Это не шутки, не споры литературные — именно тогда расстреляли Павла Васильева, Ивана Приблудного, Сергея Клычкова, Николая Кюева, Василия Наседкина, Петра Орешина — всю крестьянскую поэзию вырвали с корнем. Орешина взяли ночью в московской коммуналке, где с женой как раз снимал комнату Твардовский.

Мария скупо вспомнит: и обыск, и арест произвели на мужа «сильное и гнетущее впечатление».

Петля сузилась, когда в полночь 21 августа 1937 года пришли за Македоновым. Только потом Твардовский узнал: писатели Смоленска простым поднятием руки «рекомендовали» властям передать в НКВД и его дело. «Рыленков дал такие показания на отца, — подтвердит дочь, — что в 37-м это могло кончиться только расстрелом».

Что именно спасло его — неизвестно. Да, за него заступились в Москве поэты Жаров и Алтаузен (оговорившись, что надо все-таки «проверить»). Да, Фадеев сказал какое-то слово. Но лишь Маша твердила: не предавай! И он, уже

*4

Александр Твардовский с тещей Ириной Евдокимовной и женой Марией по правую руку, сестрой Машей по левую и дочкой Валей в поселке Красный Бор под Смоленском. 1936 год.

обложенный со всех сторон, кинулся не добывать, а спасать друга. Лишь недавно обнаружены два документа: письмо Твардовского смоленскому прокурору «об облегчении участи Македонова» и — протокол показаний поэта на Лубянке.

Он и там защитил товарища.

Смоляночка

О Марии известно немного. По крестьянской стыдливости ни он, ни дети его о ней не слишком распространялись. Известно, что до преклонных лет поэт в день рождения жены исхитрился зимой добывать неизменный куст белой сирени. Известно, что именно она, на вершине его «теркинской» славы, отговорила мужа сделать солдата Теркина офицером (вот была бы глупость). И что лишь однажды он взял ее, годами сидящую дома, на трибуну на Красной площади, а потом — на прием в Кремле по случаю какого-то праздника.

Как мимоходом усмехнется, «надеть свои платяшки, немного покрасоваться».

Ваншенкин сравнит ее с женой Достоевского: «Жены есть, которые не интересуются тем, что делают их мужья. Мерят по материальному уровню. И если хорошо зарабатывает, значит — хороший писатель». Маша, когда поэта за год до смерти отлучили от журнала и, прикрывая позор, предложили спецбольницу и кремлевский паек, одна и выступила против «пайков».

Ну кто бы ее понял ныне?..

В 1943-м, в Колодне, у ее «Танцевальной рожи» будет стоять поезд мужа — редакция «Красноармейской правды». Отсюда на Запад

просигналят Твардовскому зеленые семафоры. А может, их и не было в войну. Но Маша воспоминания о муже назовет одним этим словом: «Колодня».

«Наверное он не видел в военные ночи глаза семафоров, наводящие такую грусть. Но и без них было ему чем помянуть Колодню. Это о ней сложил он строки: «О какой-нибудь Колодне, / Нынче спаленной дотла; / О гулянке среди села; / О реке, что там текла; / О судьбе, что в гору шла; / О той жизни, что была, / За которую сегодня / Жизнь отдай, хоть как мила...»

Это строки из «Теркина» он вычеркнул сам. Жена и объяснит почему: «То, что казалось ему только личным, что составляло глубинную жизнь души, не выносилось наружу. Это закон народной жизни...»

Закон жизни. Против него не пойдешь. Может, потому и нет «любвонной лирики» у Твардовского...

За далью даль

24 июня 1941 года под часами на бапне Киевского вокзала встретились три поэта: Далматовский, Алтаузен и Твардовский. Шел лишь третий день войны, а они, штатские, были уже в скрипучих ремнях, с вещмешками и предписаниями. Уезжать договорились по мужски: без провожатых, без жен. У Далматовского и Алтаузена по одной шпале в петлицах, у Твардовского — две. «Требую подчинения, — пошутил он, — вы — низшие чины. Один — за водкой, другой — за селедкой... И ограничимся этой рифмой».

Но куда там!

Даже витиеватый Пастернак, когда его спросит, какая лучшая вещь написана о войне, сразу скажет: «Теркин». А когда в зале кто-то хихикнет, взорвется: «Я тут не шуток шутить пришел». Впрочем, Твардовского больше обрадует Буини. «Это поистине редкая завига, — нишишет тот о «Теркине», — какая свобода, чудесная удаль, какая меткость и какой необъяснимый солдатский язык — ни сучка, ни задоринки». Потом, в частном разговоре, добавит: «Эти стихи останутся. Меня обмануть нельзя...»

Но пока впереди у него — целая война. Победы на ней. После нее. Поражения. Новые предательства друзей. Разгром «Нового мира».

— Мы не ждали, конечно, митингов и демонстраций, как это было, когда громили канал НТВ, — скажет мне дочь поэта. — но отец надеялся, что его авторы погодят хотя бы первое время печататься в журнале, что не переметнутся они.

Не предали поэта лишь Ваншенкин, Каверин и Исаковский. И еще Симонов с Наровчатовым, кто прямо отказался занять его кресло...

Не предала Мария.

Загадочная Муза поэта, пережившая его на двадцать лет.

⁵ Мария и Александр Твардовские. 1963 год.

⁶ Ее главная книга.